

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Д. ШВЕЙЦЕР

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Проблемы перевода привлекают за последнее время все большее внимание лингвистов. Нельзя не признать, что этому в немалой мере содействовали работы в области машинного перевода, пробудившие интерес к изучению лингвистических аспектов переводческой деятельности. Те трудности и препятствия, с которыми столкнулись теоретики автоматического перевода, сами по себе имели несомненное положительное значение, поскольку их преодоление потребовало более углубленного анализа механизма перевода с одного естественного языка на другой, осуществляемого человеком¹.

Вместе с тем характерный для машинного перевода формально-структурный подход к изучению процесса перевода нашел свое отражение в явно одностороннем освещении общетеоретических проблем перевода. Так, в интересной и содержательной книге И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга² делается попытка свести все многообразие переводческой деятельности к тем ее аспектам, которые поддаются рассмотрению с помощью «строго объективных методов» структурного анализа. Предвидя упрек в сознательном упрощении сложного и противоречивого явления, авторы ссылаются на известный принцип научного познания «от простого к сложному». Однако в ответ на это можно было бы возразить, что всякое упрощение имеет свои допустимые пределы. Если сведение сложного и многообразного явления к его простейшим, элементарным формам вполне закономерно и допустимо на определенном этапе научного анализа, то едва ли можно согласиться с таким упрощением, которое исключает из рассмотрения существенные, конституирующие признаки данного явления.

Поэтому никак нельзя признать способствующей уяснению сущности проблемы модель процесса перевода, которая исключает из него такой важнейший момент, как обращение к действительности, к реальной ситуации. Представление о переводе, осуществляемом человеком, как о порождении текста на переводящем языке (ПЯ), равнозначного тексту на исходном языке (ИЯ) по заданным соответствиям без обращения к действительности или к предшествующему опыту переводчика, явно идет вразрез со всем, что нам известно о реальных процессах перевода, осуществляемого человеком.

Отсюда следует, что деление переводческой деятельности на собственно перевод, осуществляемый по заданным правилам без обращения к

¹ A. G. Oettinger, *Automatic (transference, translation, remittance, shunting)*, «On translation», Cambridge (Mass.), 1959; см. также: И. Бар-Хиллел, *Будущее машинного перевода*, ВЯ, 1969, 4.

² И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, *Основы общего и машинного перевода*, М., 1964.

действительности, отраженной в опыте или восприятии переводчика, и интерпретацию, включающую привлечение экстралингвистических данных, не может быть признано плодотворным для лингвистического изучения процесса перевода. Для перевода, осуществляемого человеком, характерно органическое и неразрывное единство собственно лингвистических и экстралингвистических аспектов. Подход, основанный на анализе лишь формально-структурных закономерностей, не позволяет вскрыть взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на процесс «человеческого» (т.е. немашинного) перевода и определяющих его специфику. Не случайно искусственность дихотомии «перевод/интерпретация» обратила на себя внимание специалистов в области перевода, отмечающих, что «обращение к действительности (интерпретация) необходимо во всех случаях живой переводческой практики»³.

Говоря о том положительном вкладе, который внесли работы в области машинного перевода в разработку проблем общего перевода, следует указать, что они, несомненно, способствовали уточнению ряда важных понятий теории перевода и, в частности, сосредоточили внимание на изучении перевода как коммуникативного процесса. Помимо этого, они сыграли полезную роль, выявив некоторые существенные недостатки «традиционной» теории закономерных соответствий.

Теория закономерных соответствий, разработанная в трудах таких видных представителей советской переводческой школы, как А. В. Федоров и Я. И. Рецкер⁴, оказала и продолжает оказывать значительное влияние на разработку лингвистической теории перевода и на практику его преподавания как языковой дисциплины. Именно эта теория лежит в основе большинства учебников и практических пособий по переводу. Положительное значение этой теории заключается, прежде всего, в том, что вместо туманных и зачастую субъективно окрашенных рассуждений об адекватности она впервые предложила подход к переводческой проблематике, основанный на лингвистических принципах.

В настоящей статье едва ли есть необходимость перечислять те многочисленные ценные обобщения, которые удалось сделать сторонникам этой теории и которые, кстати говоря, нашли применение и в работах по машинному переводу⁵. Вместе с тем становилась очевидной уязвимость теоретического принципа, лежащего в основе установления закономерных соответствий между языком оригинала и языком перевода. Речь идет о том методе сопоставительного анализа, сущность которого заключается в том, что «от формальной категории как от объективной данности (например, от определенного типа слов, словообразовательных моделей, от порядка слов, от двусоставных предложений с определенным типом подлежащего и т. д.) исследователь идет к определению ее значений в одном языке и далее к выражающим эти значения формальным средствам другого языка (сопадающим или иным типам слов, к одинаковому или отличному порядку слов, двусоставным или односоставным предложениям и т. п.)»⁶.

Несмотря на признание роли контекста и необходимости учета функционально-жанровых характеристик переводимого текста, метод сопо-

³ Ю. Г. Кузьмин. К вопросу о предмете и методе теории перевода, сб. «Вопросы теории и практики научно-технического перевода», Л., 1968, стр. 8; ср. также: А. В. Федоров, Основы общей теории перевода (лингвистический очерк), М., 1968, стр. 19—20.

⁴ А. В. Федоров. Введение в теорию перевода, М., 1953; Я. И. Рецкер, О закономерных соответствиях при переводе на родной язык, сб. «Теория и методика учебного перевода», М., 1950.

⁵ См., например: И. И. Резвин, В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., § 22.

⁶ А. В. Федоров, О задачах сопоставительного изучения языков, в кн. «Немецко-русские языковые параллели», М., 1961, стр. 19.

ставления «от языковой единицы к языковой единице» до сих пор продолжает занимать видное место в работах, основанных на теории закономерных соответствий. Об этом свидетельствует, в частности, цитируемая выше книга А. В. Федорова, где под рубрикой «Передача функции грамматического элемента, не имеющего формального соответствия в языке перевода» рассматриваются такие вопросы, как «Передача на русском языке функции артикля», «Перевод конструкций с неопределенно-личным местоимением» и др.⁷

Можно согласиться с И. И. Ревзиным и В. Ю. Розенцвейгом, полагающими, что при таком методе делается попытка установить непосредственную эквивалентность между сопоставляемыми единицами, следуя процедуре, принятой в двуязычных словарях⁸. Недостатком теории закономерных соответствий является, прежде всего, то, что она не учитывает или во всяком случае в недостаточной мере учитывает то обстоятельство, что перевод ни на стадии анализа исходного текста, ни на стадии порождения текста на другом языке не представляет собой простого сложения соотношенных друг с другом элементов. Более того, при таком подходе единицы различных уровней (морфологии, синтаксиса, лексики) рассматриваются раздельно, хотя известно, что в процессе перевода и исходным материалом, и конечным продуктом являются не языковые единицы, а речевые произведения, в которых явления разных уровней, взаимодействуя друг с другом, выступают в тесном нерасторжимом единстве.

Нельзя не заметить и другой недостаток подхода, основанного на нахождении закономерных соответствий между ИЯ и ПЯ — его статичность. Вместе с тем для построения теории перевода чрезвычайно важно выявить динамику процесса перевода. Иными словами, недостаточно сравнивать начальную стадию этого процесса с его результатом. Чрезвычайно важно ответить на другой вопрос: каким образом был достигнут такой результат. Ответ на этот вопрос обычно носил чрезмерно общий характер, формулировался в логических терминах (конкретизация, генерализация и т. д.) без должного лингвистического обоснования и фактически сводился опять-таки к сопоставлению единицы в исходном тексте с единицей в тексте перевода.

Допущение возможности перевода «на уровне языковых знаков» встречается даже в работах, авторы которых полностью отдают себе отчет в том, что в процессе перевода равнозначные отношения устанавливаются не между языковыми единицами, а между речевыми произведениями. Так, Л. С. Бархударов, справедливо указывающий на то, что «в отличие от внутриязыковой трансформации... трансформация переводческая заключается в изменении не языковых единиц, а речевых произведений»⁹, в одной из своих работ пишет о переводе на уровне слов, морфем и даже фонем¹⁰. При этом приводятся такие примеры, как англ. *lady* — русск. *леди* («перевод на уровне фонем») и англ. *president* — русск. *председатель* («перевод на уровне морфем»). Что касается первого примера, то даже если считать транслитерацию переводом, то и в этом случае совершенно ясно, что, во-первых, это слово, будучи однажды подвергнутым транслитерации в процессе заимствования, в дальнейшем не транслитерировалось каждый раз заново, а использовалось переводчиками как готовая едини-

⁷ А. В. Федоров, Основы общей теории перевода, стр. 208—247.

⁸ И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 33—34.

⁹ Л. С. Бархударов, Процесс перевода с лингвистической точки зрения, сб. «Конференция по вопросам теории и методики преподавания перевода. Тезисы докладов», М., 1964, стр. 9.

¹⁰ Л. С. Бархударов, Уровни языковой иерархии и перевод (на материале перевода с английского языка на русский), «Тетради переводчика», 1969, 6.

да и, во-вторых (что еще важнее), выбор именно этого варианта при переводе, т.е. *леди*, а не *дама* (ср. *a great lady* «знатная дама»), *жена* (ср. *Give my best regards to your lady*) или *богородица* (ср. *Our Lady*) определяется контекстом речевого произведения и невозможен без учета последнего. То же самое относится и к другому примеру. Разумеется, никто не переводит *president* поморфемно (*pre-sid-ent* — *пред-сед-атель*), а сам выбор именно этого варианта, т.е. *председатель*, а не *президент* (ср. *The President of the United States*) или *ректор* (ср. *the President of a University*) и в этом случае зависит от речевого контекста. Нетрудно доказать, что та же закономерность наблюдается и при сопоставлении слов.

Прав О. Каде, считающий, что вся сущность лингвистической проблематики перевода заключается именно в том, что в процессе перевода происходит актуализация языковых средств на уровне речи, тогда как на уровне языка семантико-функциональная сторона языковых знаков, как правило, не совпадает. Иными словами, отношения эквивалентности устанавливаются не непосредственно между знаком ИЯ и знаком ПЯ, а между знаком ИЯ + контекст и знаком ПЯ + контекст, т.е. между речевыми произведениями ¹¹.

В связи со сказанным выше возникает вопрос: может ли общая теория перевода быть построена лишь путем выявления межъязыковых соответствий на том или ином уровне? Если это так, то в чем же тогда ее отличие от сопоставительной грамматики, сопоставительной семасиологии и сопоставительной стилистики ¹²? Думается, что те межъязыковые параллели и расхождения, которые выявляются в этих дисциплинах, могут быть лишь базой для теории перевода ¹³, но ни в коей мере не подменяют ее. Задача теории перевода заключается, на наш взгляд, в другом — в установлении общих закономерностей перевода как определенного вида речевой деятельности, в систематизации и обобщении тех операций, которые осуществляет переводчик в процессе перевода с одного естественного языка на другой и в выявлении факторов, определяющих принимаемое переводчиком решение.

На разработке теоретических проблем перевода в лингвистическом аспекте не могла не сказаться та внутрилингвистическая ориентация, которая до недавнего времени характеризовала некоторые школы и направления структурного языкознания. Исключение из рассмотрения экстралингвистических факторов или отведение им явно второстепенной, маргинальной роли, акцент на языке как на абстрактном конструкторе и связанный с этим взгляд на речь как на исходный материал, но не самостоятельный объект лингвистического описания — все это, как мы видели выше, нашло известное отражение и в теории перевода.

Нынешний этап развития науки о языке характеризуется, как известно, преодолением узости и ограниченности микролингвистического направления, отказом от чрезмерно упрощенных схем, стремлением к глубокому и всестороннему анализу естественных языков во всей их сложности и многообразии ¹⁴. В связи с этим заметно расширился фронт исследовательских работ в области социолингвистики и психолингвистики, повысился интерес к изучению речи как «точки приложения» психологических и

¹¹ O. K a d e, Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung, Beihefte zur Zeitschrift «Fremdsprachen», Leipzig, 1968.

¹² Именно этот вопрос поставил в свое время А. А. Реформатский в своей статье «Лингвистические вопросы перевода» («Ин. яз. в шк.», 1952, 6).

¹³ См.: А. Ш в е й ц е р, К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе, «Тетради переводчика», 1963, 1.

¹⁴ См.: О. С. А х м а н о в а, Естественный человеческий язык как объект научного исследования, «Ин. яз. в шк.», 1969, 2.

социальных факторов, оказывающих воздействие на язык ¹⁵. Тем самым были созданы объективные условия для расширения лингвистической базы теории перевода как прикладной отрасли языкознания. Те существенные аспекты перевода, которые в прошлом либо вовсе не принимались в расчет, либо явно недооценивались, стали объектом самого пристального внимания ¹⁶. В настоящей статье не представляется возможным подробно остановиться на всех этих аспектах. В дальнейшем изложении будет сделана попытка осветить ряд вопросов, связанных с двумя коренными проблемами теории перевода — перевод как коммуникативный акт и схемы реализации процесса перевода.

Вопрос о переводе как о коммуникативном акте уже неоднократно освещался в научной литературе ¹⁷. Представляется целесообразным взять за основу схему перевода как коммуникативного процесса, предложенную О. Каде ¹⁸.

Согласно этой схеме, перевод условно распадается на три фазы: I. Коммуникация между отправителем О и переводчиком, выступающим в функции получателя исходного сообщения П.

II. Мена кода ИЯ → ПЯ, осуществляемая переводчиком, выступающим на этот раз в функции «перекодировщика» ПК.

III. Коммуникация между переводчиком, выступающим в роли отправителя О' и основным получателем П'.

Рассматривая эту схему, следует иметь в виду, во-первых, что понятия «код» и «перекодировка» используются здесь не в строго терминологическом смысле, а скорее метафорически, так как, в отличие от простого перекодирования, когда между знаками одного кода и другого имеются сравнительно простые однозначные соответствия, преобразование речевых произведений (текстов) ИЯ в речевые произведения (тексты) ПЯ ставит переводчика перед неизмеримо более сложной проблемой ¹⁹, а во-вторых, что если фазы I и II действительно разделены во времени, то фазы II и III во времени совмещены и представляют собой скорее не различные этапы коммуникативного процесса, а различные задачи — нахождение варианта перевода, соответствующего содержанию исходного сообщения и нормам ПЯ, и учет специфики аудитории или адресата. Подробнее на этом мы остановимся ниже.

Однако важно другое — в этой схеме правильно обращается внимание на следующие существенные стороны перевода как коммуникативного акта: 1) акт перевода по существу распадается на два взаимосвязанных коммуникативных акта — коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем; 2) переводчик, будучи одним из участников процесса коммуникации, попеременно выступает то в роли получателя, то в роли отправителя, и эта смена ролей оказывает существенное влияние на процесс перевода.

¹⁵ См., например: А. А. Леонтьев, *Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты*, сб. «Язык и общество», М., 1968.

¹⁶ См., например, опубликованный в ГДР чрезвычайно интересный сборник «Grundfragen der Übersetzungswissenschaft» (Beihefte zur Zeitschrift «Fremdsprachen»), Leipzig, 1968.

¹⁷ См.: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 46—47, 51—56.

¹⁸ O. Kade, *Kommunikationswissenschaftliche Probleme, der Translation*, «Grundfragen der Übersetzungswissenschaft», стр. 7.

¹⁹ См.: А. Д. Швейцер, *Возможна ли общая теория перевода*, «Тетради переводчика», 1970 (в печати). Это, по существу, признает и О. Каде, когда отмечает, что такой широко распространенный прием перевода, как парафраза, вообще нельзя считать перекодированием («Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation», стр. 16).

О. Каде справедливо указывает на то, что «в рамках взаимодействия между О и П и между О' и П' существуют факторы, оказывающие воздействие на процесс перевода»²⁰. Иными словами, конечный результат процесса перевода зависит не только от соотношения между текстом ИЯ и текстом ПЯ, но и от отношения между переводчиком и другими участниками коммуникативного акта. Даже в тех случаях, когда между переводчиком и другими участниками коммуникативного акта отсутствует прямой контакт (как, например, при письменном переводе), переводчик воспринимает текст на ИЯ как сообщение, исходящее от определенного отправителя и адресованное определенному получателю, и, строя сообщение на ПЯ, все время видит за ним ту аудиторию, которой адресуется перевод.

Рассматривая процесс перевода как двуязычный коммуникативный акт, необходимо иметь в виду, что для его характеристики чрезвычайно важно учитывать взаимодействие всех его компонентов — участников (отправителя, получателя, переводчика), каналов (устная и письменная речь, пресса и т.д.), ситуаций, в которых допускаются те или иные формы сообщений, форм сообщений и их жанров, а также тем или содержания сообщения. В соответствии с указанными компонентами в двуязычном, как и во всяком другом коммуникативном акте, выделяются следующие определяющие этот факт характеристики — металингвистическая (установка на код), денотативная или референтная (тема или содержание сообщения), экспрессивная (отношение отправителя к другим компонентам коммуникативного акта), идентификационная (идентификация отправителя), директивная (установка на получателя), контактоустанавливающая (установка на поддержание контакта), контекстуальная (установка на ситуацию или контекст), стилистическая или поэтическая (установка на форму сообщения)²¹.

Важность учета всех перечисленных выше речевых функций в процессе перевода самоочевидна. Компетентное владение ИЯ и ПЯ и умение сопоставлять их (металингвистическая функция) являются само собой разумеющейся предпосылкой успешного осуществления процесса перевода. Столь же очевидны и общеизвестны важность знания предмета или реальной ситуации (денотативная функция), необходимость учета контекста, стилистической и экспрессивной окраски подлинника. Поэтому представляется более существенным остановиться на других, менее ясных вопросах — на взаимодействии этих функций в процессе перевода и на их относительной важности.

Функциональные характеристики речевого произведения тесно переплетаются друг с другом. При этом функциональная роль казалось бы однотипных языковых средств может варьировать в зависимости от других функциональных параметров данного речевого произведения. Так, в романе М. Шолохова «Поднятая целина» диалектизмы и просторечная лексика в речи персонажей выполняют идентифицирующую функцию, придавая этой речи определенную социальную и локальную окраску. Эта функция передается немецким переводчиком с помощью немецкой разговорно-просторечной лексики: «Воротись зараз же, а то в амбар запру» — «Komm hierher, sag ich, sonst sperr ich dich in den Speicher»; «Сама с собой уж начала я гутарить» — «Ich fange schon an, Mensch, mit mir selber zu reden»; «...А вы сеете мелким рядком, наполовину реже, чем всегда...» — «...ihr sät sie nicht dicht, sondern etwa um die Hälfte weiter voreinander entfernt,

²⁰ О. К а д е, Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation, стр. 7.

²¹ См.: D. H y m e s, Introduction: toward ethnographies of communication, «American anthropologist», 66, 2, 1964; ср. также: R. J a k o b s o n, Poetics and linguistics, сб. «Style and language», New York, 1960.

versteht ihr?»; «Но ваше дело рисковое» — «Aber ihre Sache ist verdammt gefährlich»²².

Разумеется, оригинал, как это чаще всего бывает в письменном переводе, адресован не непосредственно получателю перевода. Включая в текст характерные для немецкой разговорной речи обороты *sag ich, Mensch, versteht ihr*, переводчик вводит тем самым поправку на директивную функцию перевода.

Совершенно иную функцию выполняют диалектизмы в поэзии Бернса:

And turned me round to hide the flood
That in my een was swelling.
Wi' altered voice, quoth I, Sweet lass,
Sweet as yon hawthorn blossom,
O! Happy, happy may he be,
That's dearest to thy bosom.

Ср. перевод этого текста, выполненный С. Маршаком:

С ресниц смахнул я капли слез
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой — и сам не знаю.
Потом сказал я: ты светлей,
Чем этот день погожий;
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дорожже²³.

Если в цитированных выше примерах из романа Шолохова диалектизмы выполняли идентифицирующую функцию, контрастируя с литературным языком автора, то здесь подобное противопоставление отсутствует. Шотландский диалект — это и есть язык автора произведения, а не средство речевой характеристики персонажа. Поэтому отказ С. Маршака от передачи диалектной окраски подлинника следует считать вполне обоснованным решением.

Переадресовывая сообщение иноязычной аудитории и вводя поправку на различие в директивных функциях исходного текста и перевода, переводчик часто стремится найти не просто смысловые эквиваленты, а те функциональные аналоги, которые способны вызвать у иноязычного получателя «коммуникативный эффект» (термин О. Каде), сходный с тем, который данное сообщение вызывает у тех, кто читает или слышит его в подлиннике. Нельзя не согласиться с мнением известного французского исследователя лингвистических проблем перевода Ж. Мунена, считающего, что переводчик, не выступающий одновременно в роли этнографа, не может полностью выполнить свою задачу²⁴. В самом деле, в процессе перевода имеет место не только сопоставление различных языковых систем, но и соприкосновение различных культур и даже цивилизаций. Этот аспект перевода выступает особенно рельефно при переводе реалий. Ср. примеры перевода реалий, приводимые американским лингвистом Ю. Найда (*белоснежный* переводится на язык народа, у которого отсутствует понятие «снег» как «белый как оперенье белой цапли»; *сердце* переводится на языки народов, у которых слово, обозначающее данный референт, лишено соответствующей коннотации, как «печень»²⁵).

Из сказанного выше следует, что директивная функция перевода как бы накладывается на другие и в определенном смысле может рассматриваться как суперфункция. Она вносит заметные коррективы как в восприятие

²² Примеры из ст.: E. Fleischmann, Die Übersetzung von lexicalischen Substandardismen, сб. «Grundfragen der Übersetzungswissenschaft», стр. 93—94.

²³ Пример из ст.: В. Л. Россельс, Заботы переводчика классики, «Тетради переводчика», 1967, 4, стр. 25—26.

²⁴ G. Mounin, Les problèmes théoriques de la traduction, Paris, 1963, гл. 13.

²⁵ См.: «On translation», стр. 29—31.

исходного текста, так и в построение текста перевода. Эта функция занимает центральное место среди того круга проблем, которые немецкий ученый А. Нойберт относит к прагматическим аспектам перевода²⁶. К последним принадлежат отношения между «формативами», т. е. фонологическими, морфологическими и синтаксическими элементами, образующими материальную базу языкового кода, и участниками коммуникативного акта. В процессе перевода текст, грамматически и семантически соответствующий тексту оригинала, включается в сетку прагматических отношений. Прагматические отношения могут быть сведены к стилистическим правилам отбора языковых средств для определенных целей коммуникации.

В этой связи выделяются различные типы текстов: тексты, ориентированные на носителя ИЯ, тексты, ориентированные на носителя ПЯ, тексты, занимающие промежуточное положение между первыми и вторыми, т. е. адресованные в первую очередь носителю ИЯ, но не только ему, а в известной мере и любой другой аудитории, и наконец, тексты, не имеющие специальной ориентации на носителя ИЯ. Примером текстов первой группы могут служить некоторые законоположения, материалы местной прессы, реклама, примером текстов второй группы — тексты радиопередач и других информационных материалов для иностранной аудитории, примером третьей — художественная литература и примером четвертой — научная литература.

Разумеется, предлагаемое А. Нойбертом деление в известной мере условно. Однако из приведенного выше перечня видно, что в качестве решающего критерия при определении прагматического содержания сообщения выдвигается его директивная функция. Именно эта функция лежит в основе выделения двух видов перевода: перевода, передающего семантико-грамматическое и прагматическое содержание оригинала, и перевода, учитывающего прагматические отношения ПЯ.

Разницу между этими видами переводов можно проиллюстрировать следующим примером, который приводит в своей работе А. Нойберт:

«I came to Warley on a wet September morning with the sky the grey of Guiseley sandstone (J. Braine).

Es war an einem regnerischen Septembermorgen mit einem Himmel wie aus grauem Sandstein, als ich in Warley ankam.

... Sandstein aus Guiseley...

... Guiseley-Sandstein...».

Первый вариант является примером прагматически адекватного перевода. В самом деле, словосочетание *Guiseley sandstone* вполне понятно английскому читателю, у которого оно вызывает конкретные образные ассоциации. В переводе, ориентированном на немецкого читателя, учет директивной функции требует модификации: *the grey of Guiseley sandstone — wie aus grauem Sandstein*. Второй и третий варианты, разумеется, нельзя считать прагматически адекватными при переводе художественного текста. С другой стороны, при переводе научного текста, адресованного специалистам, выбор этих вариантов вполне оправдан.

Отсюда следует, что учет функциональной значимости тех или иных элементов исходного текста важен не только для выбора соответствующего варианта в языке перевода, но и для решения принципиального вопроса — подлежит ли данный элемент переводу вообще. Так, например, при переводе на английский язык русского предложения *Бриджтуан, что в переводе означает «город-мост», расположен на берегу узкого залива* ссылка на перевод (*что в переводе означает...*), разумеется, опускается.

²⁶ A. Neubert, *Pragmatische Aspekte der Übersetzung*, сб. «Grundfragen der Übersetzungswissenschaft».

Учитывая взаимодействие и взаимообусловленность различных функций коммуникативного акта, следует иметь в виду, что в определенных условиях та или иная функция может приобретать первостепенное значение, подчиняя себе все остальные. Рассмотрим следующий пример из русского перевода романа Диккенса «Крошка Доррит»: „Papa is a preferable mode of address“, observed Mrs. General. „Father“ is rather vulgar, my dear. The word *Papa*, besides, gives a pretty form to the lips. *Papa*, *potatoes*, *poultry*, *prunes* and *prisms*, are all very good words for the lips, especially *prunes* and *prisms*» — «Предпочтительнее говорить „папа“, моя милочка, — заметила миссис Дженерал. — „Отец“ звучит несколько вульгарно. И, кроме того, слово „папа“ придает изящную форму губам. Папа, пчела, пломба, плющ и пудинг — прекрасные слова для губ, в особенности плющ и пудинг» (перевод Е. Калашниковой)²⁷. Передача аллитерации (стилистическая функция) оказалась более важной и коммуникативно релевантной, чем передача денотативного значения соответствующих слов.

Жанр речевого произведения и его целевая установка выдвигают некоторые речевые функции на первый план и соответственно отводят другим второстепенную, подчиненную роль. Так, денотативная функция, которой принадлежит ведущая роль в научных текстах, технических описаниях, информационных сообщениях, может порой занимать подчиненное положение по отношению к экспрессивной и стилистической функциям в поэтических произведениях. Функциональные характеристики, играющие доминирующую роль в том или ином коммуникативном акте, могут быть названы его функциональными доминантами.

Поскольку функциональные доминанты сообщения по определению являются переменными величинами, возникает вопрос: что же все-таки является инвариантом перевода? Существует немало определений инварианта перевода²⁸. Чаще всего инвариант перевода определяется как общность семантического содержания разноязычных текстов или как неизменность плана содержания этих текстов при замене одного текста другим. При этом под содержанием имеется в виду информация, которую несут лексические, грамматические и стилистические средства, используемые в подлиннике²⁹. Такого рода определение явно исходит из того, что весь объем содержащейся в подлиннике информации подлежит передаче при переводе. Однако как мы видели выше, дело обстоит иначе. Функциональные доминанты коммуникативного акта не только определяют закономерности анализа и отбора языковых средств, но и видоизменяют в известных пределах сам объем передаваемой информации.

Иное определение инварианта дает Ю. Г. Кузьмин³⁰, согласно которому инвариантом перевода является «ситуация в действительности, как она воспринимается автором сообщения». С таким определением можно было бы согласиться, если бы все речевые высказывания представляли собой описание ситуаций и если бы восприятие тождественной ситуации автором сообщения и его иноязычным получателем было бы идентичным. Однако, как было показано выше, это далеко не всегда соответствует истинному положению вещей. Ю. Г. Кузьмин исходит из неверной, на наш взгляд, посылки, согласно которой «объективная действительность есть та единственная основа, на которой достижимо взаимопонимание через перевод».

²⁷ См.: Ч. Диккенс, Собр. соч., 24, 1960, стр. 59.

²⁸ См. критический обзор этих определений в кн.: А. А. Леонтьев, Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, М., 1969, стр. 170—172.

²⁹ Ср.: Л. С. Бархударов, Общелингвистическое значение перевода, сб. «Теория и критика перевода», Л., 1962, стр. 11; его же, Процесс перевода с лингвистической точки зрения, стр. 8.

³⁰ Ю. Г. Кузьмин, указ. соч., стр. 11—12.

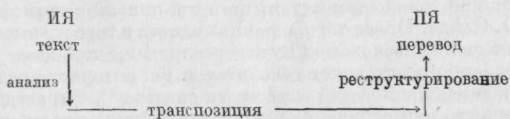
С таким утверждением никак нельзя согласиться. Непосредственной основой, на которой возможно двуязычное общение, является, разумеется, не сама объективная действительность, а универсальность категорий человеческого мышления, наличие семантических универсалий и известная общность человеческого опыта.

Английский исследователь лингвистических проблем перевода Дж. Кэтфорд рассматривает инвариантность как «соответствие между дифференциальными признаками (по крайней мере, некоторыми из них) текста на исходном языке и текста на языке перевода»³¹. Под дифференциальными признаками автор имеет в виду ситуативные черты, существенные для данного текста и определяющие выбор тех или иных языковых форм. К сожалению, как отмечает в своей рецензии на работу Дж. Кэтфорда В. Аврамов³², эти дифференциальные признаки выделяются автором интуитивно, без опоры на какие-либо определенные критерии. Сведение проблематики перевода к вопросу о дифференциальных ситуативных признаках едва ли можно считать оправданным в свете того, что было сказано выше о многоаспектности процесса перевода.

Что же в таком случае можно считать инвариантом перевода? Думается, что в процессе перевода неизменным всегда остается содержание исходного сообщения (не только семантическое, но и прагматическое), детерминируемое и модифицируемое функциональными характеристиками данного коммуникативного акта и соотношением между ними³³. Иными словами, перевод может быть представлен как процесс поиска решения, отвечающего определенному набору варьирующих функциональных критериев.

Рассмотрим вопрос о путях реализации процесса перевода. В этой области еще многое продолжает оставаться неясным. В то же время за последние годы было выдвинуто несколько гипотез относительно того, как именно протекает этот процесс и каковы его основные этапы. Так, в некоторых работах выдвигается трансформационная модель перевода, осуществляемого человеком. Ниже мы остановимся на модели, предложенной американским лингвистом Ю. Найда³⁴, хотя попытки приложения трансформационной теории к переводу делались и в более ранних работах³⁵.

Ю. Найда считает, что процесс перевода, особенно в тех случаях, когда ИЯ и ПЯ резко отличаются друг от друга по своим грамматическим и семантическим структурам, не осуществляется путем простого перехода от одного набора поверхностных структур к другому. Вместо этого имеет место более сложный процесс, в ходе которого переводчик, анализируя исходное сообщение, преобразует его в более простые и четкие формы, транспонирует их на этом уровне в систему ПЯ и затем реконструирует сообщение на ПЯ

³¹ J. Catford, A. linguistic theory of translation, Oxford, 1965.

³² В. А. Аврамов, «Тетради переводчика», 1969, 6.

³³ Иное понимание инварианта перевода (в психолингвистических терминах) см.: А. А. Леонтьев, указ. соч., стр. 172.

³⁴ E. Nida, Science of translation, «Languages», 45, 3, 1969; E. Nida, C. R. Taber, The theory and practice of translation, Leiden, 1969.

³⁵ См., например: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 85—120.

На грамматическом уровне анализ сводится к обратной трансформации (back transformation) поверхностной структуры в структуру, близкую к ядерной (near-kernel structure). Так, например, поверхностная структура *John preached the baptism of repentance unto the forgiveness of sins* трансформируется в *John preached that the people should repent and be baptized so that God would forgive the evil they had done*. Разумеется, это сложное предложение может быть далее развернуто в цепочку ядерных, но это будет связано с потерей информации о смысловых связях между ядерными предложениями. Целью же переводчика является довести трансформируемую структуру до уровня, на котором смысловые связи между элементами наиболее ясны и контрасты между структурами ИЯ и ПЯ сведены до минимума. Именно на этом уровне, т.е. на уровне, приближающемся к ядерному, легче всего осуществлять транспозицию. Что касается проблемы передачи лексического значения, то она решается Ю. Найда в терминах компонентного анализа (передаются не слова, а семантические компоненты; при переводе происходит перераспределение компонентных структур). В процессе реструктурирования принимаются в расчет экспрессивно-стилистические и функционально-жанровые характеристики ПЯ, а также фактор воздействия на адресата (т.е. директивная функция).

Думается, что такой способ реализации процесса перевода вполне возможен в переводческой практике. По сути дела, он представляет собой упрощение сложной синтаксической конструкции и устранение ее многозначности путем преобразования ее в синтаксическую конструкцию с однозначным отношением между компонентами. Так, при переводе с английского языка на русский именные словосочетания нередко трансформируются в предложно-именные, где предлог уточняет синтаксические отношения между компонентами (в дальнейшей трансформации нет необходимости): например, *pupil use* — *use by a pupil*, *neighbourhood projects* — *projects in the neighbourhood*, *the river tube plan* — *the plan of building a tube under the river*.

Вместе с тем возможность сведения процесса перевода к одной модели вызывает большие сомнения. Не следует забывать, что перевод — это один из видов речевой деятельности, и к нему в полной мере относятся высказываемые советскими психолингвистами соображения о необоснованности концепции единого принципа порождения высказывания. «Есть основания предполагать, — пишет А. А. Леонтьев, — что в зависимости от конкретной экспериментальной ситуации субъект может избрать тот путь психолингвистического порождения, который в данных обстоятельствах является оптимальным»³⁶. Основываясь на собственном опыте перевода и на знакомстве с работой других переводчиков, автор настоящей статьи имеет основания утверждать, что поиски оптимального решения при переводе осуществляются не только тем путем, который описан в трансформационной модели Ю. Найда. Более того, в рамках одного и того же высказывания возможно совмещение нескольких путей реализации процесса перевода.

В этой связи представляет значительный интерес предложенная В. Г. Гаком концепция моделей языкового синтеза³⁷. Справедливо отмечая ограниченность как структурной (порождающей) модели, предусматривающей лишь те преобразования высказываний, в которых лексемы и непосредственные синтаксические связи остаются неизменными, так и семантической модели сем или семантических компонентов, предполагающей неизменность элементарных смыслов, В. Г. Гак конструирует ситуационную модель (ситуация — текст), допускающую варьирование самого набо-

³⁶ А. А. Леонтьев, указ. соч., стр. 264.

³⁷ В. Г. Гак, О моделях языкового синтеза, «Ип. яз. в шк.», 1969, 4.

ра семантических компонентов при обозначении одинаковых отрезков действительности. При отборе семантических компонентов, описывающих те или иные однотипные ситуации и образующих смысловую структуру высказывания, каждый язык (и, следует добавить, каждый функциональный стиль языка) имеет свои предпочтения. Ср. следующие примеры: «Les bombardements tuent en priorité les gens qui habitent près de la gare» (Courtade); «Во время бомбежек погибают прежде всего те, кто живет подде сортировочных станций»; «De l'autre côté de la route, ... le lac étalait la surface glacée et recouverte de neige» (Hériat); «По ту сторону дороги простиралась застывшая, покрытая снегом поверхность озера». Здесь высказывания на французском и русском языках отличаются друг от друга наличием семантического компонента «каузации действия».

Ситуативная модель языкового синтеза может быть с успехом применена в теории перевода. С ее помощью, по-видимому, можно будет объяснить многие из тех лексико-синтаксических парафраз, к которым часто прибегают переводчики. Она обладает тем несомненным преимуществом по сравнению с моделью Ю. Найда, что рассматривает синтаксические и лексические преобразования не отдельно, а в их взаимосвязи и взаимодействии. Более того, она убедительно показывает недостаточность процедуры компонентного анализа применительно к переводу, поскольку далеко не все преобразования высказываний в переводе представляют собой простое перераспределение одних и тех же семантических компонентов.

Следует, однако, сказать, что эта модель, как признает В. Г. Гак, пока лишь к описанию тех случаев, которые относятся к денотативной функции речи. Думается, что положенный в ее основу принцип может быть в дальнейшем распространен не только на высказывания, содержащие описание предметных ситуаций. В самом деле, в приведенных выше примерах отношения равнозначности устанавливаются не непосредственно между отрезками действительности, а между теми суждениями, которые отражают эту действительность и образуют смысловую сторону данных высказываний. Эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что смысловое содержание высказывания не представляет собой простой суммы элементарных смыслов. Иными словами, проблема может быть сформулирована и шире: каковы закономерности определяющие эквивалентность высказываний, отличающихся друг от друга набором элементарных смыслов, не только в плане отражения ситуаций, но и с точки зрения других функциональных характеристик коммуникативного акта? Для теории перевода чрезвычайно важно выявление закономерностей, лежащих в основе межязыковых лексико-синтаксических парафраз, осуществляемых с учетом различных функциональных доминант высказывания.

Собственный опыт автора статьи и опыт других переводчиков свидетельствует о том, что процесс поиска оптимального решения при переводе, как правило, не является одноразовым актом, если не считать синхронного перевода. Этот поиск обычно осуществляется «методом проб и ошибок», который заключается в последовательном приближении к оптимальному варианту путем перебора нескольких возможных вариантов и отклонения тех, которые не отвечают изложенным выше функциональным критериям. При этом наряду с предварительной обработкой исходного сообщения на ИЯ путем трансформаций или путем лексико-синтаксических парафраз (т.е. путем так называемого «внутриязыкового перевода») вполне возможно установление и прямых соответствий между высказыванием на ИЯ и соответствующим высказыванием на ПЯ. У начинающего переводчика такое соответствие устанавливается по принципу наибольшей близости к грамматической и компонентной структуре исходного сообщения. Квалифицированный переводчик, опираясь на предшествующий опыт, начинает

с наиболее частотного структурного и лексического соответствия. Представляется маловероятным, чтобы, переводя аналогичные конструкции, переводчик каждый раз заново проделывал операцию «анализ — транспозиция — реструктурирование», описанную Ю. Найда; очевидно, в ряде случаев опытный переводчик оперирует «готовыми блоками» соответствий.

Однако эти «готовые блоки» чаще всего являются лишь первым приближением к оптимальному решению. В дальнейшем вводятся поправки на функциональные параметры данного коммуникативного акта, и текст подвергается более или менее значительным модификациям.

Высказанные выше соображения в значительной мере носят гипотетический характер и нуждаются в экспериментальной проверке. Однако это в равной мере относится и к большинству суждений, высказываемых по поводу «человеческого перевода». Теория перевода нуждается в экспериментально обоснованных обобщениях, основанных на углубленном изучении реальной переводческой практики в свете последних достижений науки о языке и, в особенности, тех языковедческих дисциплин, в центре внимания которых находятся различные стороны речевой деятельности, в том числе ее прагматические аспекты. Для ее успешной разработки необходим учет взаимодействия различных функций коммуникативного акта и в первую очередь его функциональных доминант, зависящих от жанра и целевой установки речевого высказывания.
